ториковъ въ главѣ: "Причины Революціи», поразительную картину положенія общества наканунѣ событій. Тамъ, — и нищета народа, и отсутствіе общественной безопасности, и принудительныя мѣры правительства, и ужасные скандалы, выводящіе на свѣтъ гнусные пороки общества, и новыя идеи, стремящіяся проявиться и непрерывно сталкивающіяся съ несостоятельностью представителей стараго режима. Изучая эту картину, мы приходимъ къ заключенію, что революція дѣйствительно была неизбѣжна, и единственнымъ исходомъ было вступленіе на путь возстанія.

Разсмотримъ, напримѣръ, положеніе общества до 1789 года. Крестьянинъ жалуется на подати и налоги и таитъ въ своемъ сердцѣ непримиримую вражду къ сеньору, монаху, скупщику, кулаку, интенданту. Буржуа жалуется на потерю муниципальныхъ свободъ и изливаетъ на короля цѣлый потокъ проклятій.

Народъ поносить королеву, возмущается разсказами о поступкахъ министровъ и безпрестанно повторяетъ, что налоги невыносимы и подати разорительны, урожаи плохи и зимы суровы, съъстные припасы дороги и кулаки ненасытны, деревенскіе адвокаты съъдаютъ жатву крестьянина и лъсники разыгрываютъ изъ себя царьковъ, почта плохо организована и чиновники слишкомъ лънивы... Словомъ, всъ жалуются, все не ладно. "Это не можетъ итти такъ дальше, это кончится скверно!» — говорять со всъхъ сторонъ.

Но отъ этихъ мирныхъ разсужденій до возстанія — далеко; между ними лежитъ цѣлая пропасть, та пропасть, которая отдѣляєть у большей части людей разсужденіе отъ дъйствія, мысль отъ воли, желаніе отъ поступка. Какъ перешагнули черезь эту пропасть? Какъ эти люди, которые вчера еще, покуривая трубку, спокойно жаловались на свою судьбу, ругали жандармовъ и въ то же время униженно кланялись имъ, — рѣшились взяться за дубины и пошли громить дворцы сеньора, этой грозы вчерашняго дня? Благодаря какимъ чарамъ эти люди, которыхъ жены презирали и справедливо называли трусами, превратились въ героевъ, идущихъ подъ пулями и картечью завоевывать свои права? Какимъ чудомъ эти слова, которыя столько разъ произносились и умирали въ воздухѣ подобно безцѣльному звону колоколовъ, превратились въ дъйствія?

Отвътъ очень простъ.

— Работа меньшинства, работа непрерывная и продолжительная, произвела это превращеніе. Смѣлость, самоотверженность, способность жертвовать собой такъ же заразительны, какъ трусость, покорность и паника.

Какія формы приметь агитація? — Да самыя разнообразныя, всѣ, которыя будуть продиктованы ей обстоятельствами, средствами, темпераментами. То мрачная и суровая, то задорная, но всегда смѣлая, то коллективная, то чисто индивидуальная, она пользуется всякими средствами, всѣми явленіями общественной жизни, чтобъ пробуждать мысль, распространять и формулировать недовольство, возбуждать непримиримую ненависть къ эксплоататорамъ, выставлять въ смѣшномъ видѣ правителей, доказывать ихъ слабость и, главнымъ образомъ, всегда и вездѣ пробуждать смѣлость и духъ возстанія.

II.

Когда въ странѣ готовится революція, но духъ возстанія недостаточно силенъ въ массахъ, чтобъ проявляться бурными манифестаціями, мятежами и возстаніями, — меньшинство только дѣйствіемъ можеть пробудить смѣлость и стремленіе къ независимости, безъ которыхъ немыслима ни одна революція.

Люди, смѣлые и неподкупные, которые не довольствуются одними словами, не примиряются съ разладомъ между словомъ и дѣломъ, предпочитаютъ тюрьму, ссылку и смерть — жизни, противорѣчащей ихъ принципамъ, люди, говорящіе: "надо смѣть, чтобъ побѣдить», — вотъ тѣ одинокіе "передовые», которые начинаютъ битву гораздо раньше, чѣмъ массы достаточно возбуждены, чтобъ открыто поднять знамя возстанія и итти съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать свои права.

Среди жалобъ, разговоровъ и теоретическихъ споровъ, вырывается вдругъ какой-нибудь поступокъ, вызванный крайнимъ возмущеніемъ, поступокъ индивидуальный или коллективный, который служитъ яркимъ показателемъ господствующихъ стремленій. Возможно, что вначалѣ массы относятся къ нему безразлично. Преклоняясь передъ смѣлостью отдѣльныхъ лицъ или цѣлой группы, онѣ прислушиваются къ рѣчамъ благоразумныхъ и осторожныхъ людей, которые спѣшатъ объявить